

]

Его лицо не выражало грусти — лишь то особенное выражение человека, который хочет разделить радость с близким другом. В глазах светились мягкие, призрачные искорки.

— Ты здесь первый, — сказал Цинь Фан. — Это моя база.

Син Янь приподнял бровь:

— Столь высокая честь?

Цинь Фан с улыбкой кивнул:

— У тебя же день рождения.

Син Янь ответил ему простым «спасибо». Цинь Фан отмахнулся, что не стоит благодарности. Он лежал, уткнувшись подбородком в скрещенные руки, и смотрел на Син Яня — настоящий спокойный парень, на чьих губах играла легкая улыбка.

— Не за что, правда. В этот день я обязан сделать тебя счастливым. Сяо Гун говорил, что вы не празднуете дни рождения, потому что вы люди черствые, потому что ненавидите этот мир.

Син Янь молчал, не сводя с него взгляда.

Цинь Фан оставался в той же позе, лишь вытянул одну руку и осторожно постучал пальцами по рукаву Син Яня:

— Не ненавидь этот мир. Мир на самом деле очень рад, что ты в нем есть.

Цинь Фан все продолжал лежать перед Син Янем, перебирая пальцами по его рукаву и повторяя, что мир счастлив от одного его присутствия.

Син Янь долго молчал. Его сердце давно очерствело, и уже мало что могло его затронуть. Но сейчас, глядя на этого человека, слушая его слова, он почувствовал, как внутри что-то дрогнуло.

Выбрать ужин на открытом воздухе в ноябре — решение настолько странное, что даже курьер, доставивший еду, смотрел на них с нескрываемым недоумением. Видимо, заведение привыкло к таким заказам: все было подготовлено настолько профессионально, что им оставалось только отправить ингредиенты в кипящий котел. Курьер также привез два крошечных кусочка муссового торта, за что Цинь Фан щедро накинул ему на чай.

— Залог за котел сможете вернуть завтра, — сказал курьер перед уходом.

Цинь Фан кивнул, показывая, что понял, и попрощался с парнем.

Заказывая еду, Цинь Фан специально просил курьера заехать по дороге в кондитерскую, но время было позднее, да и заказ не был оформлен заранее, так что двух кусочков было предельно возможным минимумом.

До того как вода закипела, Цинь Фан выставил пирожные на стол:

— Вспомнил только сейчас, что у нас нет торта. Придется довольствоваться этим, лучше, чем ничего.

Син Янь с улыбкой кивнул и, вскинув бровь, спросил:

— Можно приступать? Я проголодался.

— Я тоже.

Цинь Фан потянулся за своим кусочком. Тот был совсем крошечным, меньше его ладони, а прилагавшаяся пластиковая вилка — такой миниатюрной, что было неясно, как ее вообще держать. В итоге Цинь Фан просто откусил прямо так.

Черника. Не самый любимый его вкус. Вечером было плохо видно, по цвету он решил, что это клубника. Он спросил Син Яня:

— У тебя какой вкус?

Син Янь проглотил кусочек:

— Похоже, кофе.

— А у меня черника, — отозвался Цинь Фан.

— Не нравится? — Син Янь пододвинул свою тарелку к нему. — Давай меняться, я тоже не в восторге от этого.

Цинь Фан не стал церемониться: вскочил и переставил свою тарелку на ту сторону. В два счета они расправились с десертом. Цинь Фан вытер рот салфеткой и только тогда подумал, что, кажется, это было немного... двусмысленно.

Син Янь рассмеялся, подметив его смущение:

— Вполне нормально.

Цинь Фан вздохнул:

— Вполне или нет, выбора уже нет — все съели.

— Не вини себя, — Син Янь явно был в приподнятом настроении, он продолжал улыбаться. — Это я предложил поменяться.

Хого — удивительное блюдо. Как бы холодно ни было вокруг, стоило зажечь горелку и закипятить котел, как внутри разливалось тепло. За стенами двора царил непроглядная тьма, не горело ни одного фонаря, а само Маленький корпус, давно заброшенное и заросшее травой, в эту позднюю осеннюю ночь вдруг наполнилось жизнью.

Цинь Фан заказал много пива. Он сам открыл бутылки, чокнулся с Син Янем и сказал:

— С тех пор как познакомился с тобой, я стал пить куда больше.

Цинь Фан заметил, что Син Янь всегда немного задерживает напиток во рту, и прежде чем проглотить, делает едва заметное движение челюстью. Это выглядело довольно... притягательно.

Цинь Фан опустил взгляд, пригубив пиво. Он чувствовал, что стал слишком часто смотреть на Син Яня, словно это вошло в подсознательную привычку, стало наваждением.

Наевшись до отвала — оба были чертовски голодны перед едой, — они убрали со стола и снова вышли наружу. На земле стояло еще несколько банок пива. Каждый сел на свой стул под единственной тусклой лампочкой, дававшей теплый свет.

Цинь Фан сел на стул верхом, упершись подбородком в спинку. Он посмотрел на Син Яня, сидевшего в метре от него, и, встретившись с ним взглядом, улыбнулся.

После выпитого алкоголя улыбка Цинь Фана стала еще искреннее и заразительнее.

Син Янь тоже улыбнулся:

— Чего лыбишься?

— Не знаю, что сказать, вот и улыбаюсь, — ответил Цинь Фан.

Син Янь сидел в той же позе, что и он. Он легонько покачал банку в руке и отпил глоток.

— Знакомство с тобой — это довольно неожиданно, — спокойно произнес он. Его голос, доносившийся сквозь прохладу ночи, звучал размеренно и умиротворяюще. — Ты... ты всегда умеешь удивлять.

— Чем же? — Цинь Фан лежал на спинке стула, склонив голову набок.

Син Янь задумался и медленно ответил:

— Всем.

— Не знаю, насколько неожиданным стало для тебя знакомство со мной, — Цинь Фан попытался припомнить, как все начиналось, и тихо рассмеялся, — но ты совсем не похож на тех, кого я знал раньше.

Они оба были совершенно иными, если смотреть на их обычные круги общения. В этом сомнений не было.

Дневная суета и безумие утихли с уходом солнца. Луна залила двор мягким светом, окрасив землю в бледные тона. Такая ночь располагала к разговорам.

Син Янь оглядел двор, снова отпил пива и спросил:

— Ты жил здесь с детства?

— Угу, — Цинь Фан кивнул, не отрывая подбородка от спинки стула. — С дедом.

Цинь Фан указал на заросли травы слева:

— Там была вишня. Не знаю, жива ли она еще. В детстве я объедался этими кислыми ягодами — не мог дождаться, пока они покраснеют, и съедал все подряд.

Взгляд Син Яня последовал за рукой Цинь Фана, куда бы тот ни указывал.

— А у входа, вот там, раньше был навес — дед построил для меня, чтобы я прятался от дождя.

На лице Цинь Фана заиграла светлая улыбка, взгляд стал задумчивым.

— Я не мог усидеть в доме, когда шел дождь, мне нужно было смотреть на него снаружи. Еще я обожал лужи — обязательно нужно было шлепать по ним босиком. Когда меня не пускали, я валялся по полу и ревел, вот дед и соорудил мне навес. Чтобы смотреть дождь зимой, а снег — летом.

Син Янь едва заметно и очень тепло улыбнулся. Цинь Фан добавил:

— Кажется, я все перепутал. Напился, наверное.

— Ничего страшного, — Син Янь посмотрел на него. — Продолжай.

— Тогда у меня был маленький деревянный стульчик, водитель деда сделал. Очень маленький, сантиметров пятнадцать в высоту? Неважно, совсем крошечный.

Цинь Фан так и не убрал подбородок со спинки стула, его рот открывался и закрывался, голова слегка покачивалась.

— Тот водитель вечно сажал меня к себе на плечи, я даже лица его уже не помню.

Син Янь молчал, лишь изредка издавая звуки, показывая, что слушает. Цинь Фан рассказывал о детстве очень много.

— Я был таким проказником. Иногда дед сердился, кричал на меня, но быстро отходил.

Цинь Фан посмотрел на звезды и поднял руку, слегка очерчивая их контур пальцами.

— Сейчас вспоминаю это — так красиво.

— Да, — кивнул Син Янь. — Очень красиво.

— Здесь так красиво, даже если все поросло травой, даже если все такое обветшалое... — Цинь Фан шмыгнул носом. Алкоголь приятно грел кровь, вызывая легкий хмель. — Оно до сих пор кажется мне какой-то мечтой. Поэтому я редко здесь бываю. Давно не приходил.

Син Янь встал и подвинул свой стул ближе к Цинь Фану, так близко, что мог дотянуться рукой до его головы. Он погладил короткие волосы парня, и Цинь Фан, повернувшись, посмотрел на него снизу вверх; в его глазах, казалось, отразились те самые звезды, на которые он смотрел пару минут назад.

— Привел тебя в такое красивое место тайком, — Цинь Фан улыбнулся и облизнул губы. — Брат Янь, ты сорвал куш.

— Огромный, — с улыбкой ответил Син Янь.

— Так что, — Цинь Фан медленно моргнул, — теперь каждый свой день рождения вспоминай это место. Я поделился с тобой своими воспоминаниями — надеюсь, с этого года в твоей памяти станет чуточку больше красоты.

Син Янь не ответил. Его рука все еще лежала на голове Цинь Фана, пальцы слегка перебирали короткие пряди, а запястье покоилось на шее. Цинь Фан не шевелился, полностью доверившись ему. Пальцы Син Яня мягко прошли по затылку, и Цинь Фан, окончательно расслабившись, начал клевать носом.

<http://bllate.org/book/18141/1744628>